Вернись в тот сон, где ты была Любима и светла от счастья, Где Богородица прошла В окно к соседке постучаться,

Где тайну нянчит белый сад И на ветру смеются вишни, Где материнский лёгкий плат Печали шёлковые вышили...

Ты помнишь — всхлипнуло дитя, Когда калитка заскрипела, Сухою веткою тебя За сердце яблоня задела —

И словно чёрным чертежом Вдруг отчеркнула безвозвратно: В каком-то городе чужом Ты сны чужие смотришь жадно,

И эти кровь, и смерть, и блуд, Придуманные воспалённо, В твой сад, пока ещё зелёный, Волною огненной идут. И даже сердца – нет, не жалко, Не жалко, нет! Упали розы полушалка В глубокий снег...

Что я скажу ночам бессонным Об этом дне? Он светит, точно нарисован На полотне

Но золотой тропинкой сада Не я бегу, А полотно небрежно смято — И всё в снегу.

Поднять, стряхнуть, накинуть снова — И до избы, Где ткут суровую основу Моей судьбы.

Где всё — и старость, и усталость, И шлях в пыли. А розы на снегу остались — Не мне цвели

Зарёй горячей, незакатной, Чужой судьбой... Любви и смерти не загадывай — Они с тобой.

ВЕЧЕРНИЙ КРУГ Чудится воздух – весенний, солнечный, Птичий – опора для хрупких крыл. Детская радость до самой полночи... Я выбираю заново ту судьбу: Утром проснёшься – и всё забыл. Закат империи, столица её, весна. Тверской бульвар с проталинами в снегу. Читалка Литинститута, где я одна Ужас возвращения в средневековье. Будни пахнут пивом, пылью и кровью. Перевожу поэтические суры Бесчисленные гадания и камланья. О предстоянии человека перед Творцом... Сожженья заживо, побиванья камнями... Март потихоньку подтапливает дворы, И над разомкнутым бульварным кольцом Мир рационален ровно настолько, Чтобы снова затеять вавилонскую стройку, Молчаливые птицы закладывают вираж, Соединяя собою разъятый круг. Добраться, спросить у Бога: «Ты ещё там? Бумагу жёстко царапает карандаш, Пора платить по счетам!» Выписывая ряды угловатых букв. И воздух гудит отпущенною струной, Разве я знала, что нашей любви мне хватит Тугой тетивой, пославшей стрелу в полёт... на долгую-долгую жизнь потом? Ты входишь тихо. Садишься рядом со мной. Одной растить и учить детей, Ты говоришь: «Не плачь, ничего, пройдёт». ремонтировать ветхий дом, Смотреть по TV репортажи с пляжей Египта, Конечно, прошло. И мы пятнадцать лет из пламени Ливии, с японских АЭС? уже врозь, Моя любовь навсегда останется здесь. По разные, кажется, стороны той струны – На этой горькой земле, вымирающей каждый Ещё тогда моё сердце оборвалось любовью, день, чтобы просто жить. Тоской и смертельным чувством вины. В потоках липкой, политой синтетическим Но почему они возвратились ко мне сейчас, шоколадом лжи. В две тысячи одиннадцатом, зимой? В рекламных слоганах, мерзких наклейках Так почтальон приходит и, не стучась, с чужими буквами, ливнях, снах... В дверную щель подсовывает письмо, Моя любовь принимает всё, даже детский нелепый страх, Белым ослепительным уголком Что однажды и эта жизнь рассыплется в прах. Срезающее неосторожный взгляд... Дверь отворяю – пусто. Под потолком Лампочки вывернутые горят. Вечером после ливня стрижи встают на крыло. Урал. Челябинск. Общага под Новый год. Небо к сырому закату краешком прилегло, Кругом бутылки из-под пива, и в них бычки. Тёмным неровным краешком, неряшливой Страна умирать не хочет. Она живёт бахромой... В бессрочной коме. Открой теперь и прочти. Тучи идут домой. Что было написано в тысяча девятьсот Восемьдесят четвёртом, с каких высот Так проходят грозы – дай Бог, чтоб наша Летела в стаю пущенная стрела прошла... И круг её вечерний разорвала... Капельку дождевую стрижонок смахнул с крыла, Рванулся куда-то в сторону – не бойся, малыш, держись! Иногда непогода длится целую жизнь. Всё на продажу или навыворот. Это ведь как получится, что выпадет Фьючерсы, курсы валют, тоска. Жизнь в супермаркете молча выберет на роду... Смерть. Почему-то ещё пока Только останься в небе, у Господа на виду.

От ливня до снегопада – только взмахнуть рукой. Пронеслись десятилетия – Мастерская, школа, склад... Поэтому неподвижно у распахнутого окна Всё прожили – не заметили Стою одна. Обретений и утрат. Но однажды встала молния Вместо прежнего креста, Несбывшегося больше. И оно. В колокольное безмолвие По счастью, никому не суждено. Пала горькая звезда. – Оно в прохладом воздухе разлито, Загудел набат над крышами, Засыпано опавшею листвой. Поднял стаи на крыло, Оно приходит молча, как молитва, И очнулись, и услышали: И тайно обретает голос твой. Горе-горькое пришло. И кажется, оно дано тебе лишь: А куда с крутого берега? Взлетай, как тот неловкий юный стриж! Только в воды Иртыша... Ты говоришь – и сам себе не веришь, И не заново поверила – Ты веришь лишь тому, что говоришь. Болью вздрогнула – душа: Никто не обещал тебе покоя. Копоть смыли, сажу счистили, Но вот они – воздушные пути! 52 Сцеловали боль и гнев, А сбудется – лети! – совсем другое. В самой светлой Божьей истине Совсем другое сбудется. Лети. Усомниться не посмев... **XPAM** Тоске не выискать обновы – Видно, крепко небо помнило Ну разве что среди полей, Злую удаль здешних мест: У края полога льняного Трижды в купол била молния, Увидеть журавлей, Трижды сбрасывала крест. Домой летящих бездорожьем Трижды с долгими моленьями Весны небесной и земной... Вновь увенчивали храм. О Господи, как осторожно Уминали прах коленями, Ты говоришь со мной Лбы крестили по утрам, О неизбежном и суровом, А потом порою шаткою О неизбывном и родном! В зябкой розовой пыли Не словом, Господи, не словом, Появились со взрывчаткою -А словно сном... Заложили. подожели... Так заслоняют лёгкой тканью Только стёкла мелко брызнули! Свет, обжигающий глаза, -Но когда растаял дым, Над приземистыми избами И не бывает проще тайны, Храм вознёсся, невредим, И разгадать нельзя.

гадать?

Всеми главами точёными

Над быльём и вороньём -

В гневе горестном своём.

Только лики стали чёрными

От января до июля – видишь, крылом подать.

Кто были вечерние птицы, надо ли нам

Новые народились, и город уже другой.

* * *

Первый заморозок. Сны В глубине согретых комнат. Так далёко до весны, Что её никто не помнит.

Над долиною речной Гаснет лучик обречённый, И травою-тишиной Зарастает двор мощёный. А проснёшься поутру — И глаза открыть не хочешь: Дождь полощет на ветру Рваный плащ осенней ночи,

И плывёт сквозь потолок,
Нарастая в нежной силе,
Голубиный топоток,
Шелест лёгких шестикрылий...

Какая-то птица счастливая пела... Бессонница длила неведомый путь. И смутное, робкое сердце не смело За чёрную кромку зари заглянуть.

А ночь провожала свои караваны – Они бездорожьем брели в никуда, Туда, где восходила и пламенем рваным Тоску прожигала чужая звезда.

И кровь закипала, почуяв чужое, И запах металла по воздуху плыл. И шли, растопырив стальные чешуи, Армады холодных и страшных светил...

Но птица счастливая пела! И ветви Пустынных дорог становились черней, И лёгкие тёплые волны рассвета Одна за другою вставали над ней.

